

«Записки из подполья» (1864).
Философский пролог к
ПЯТИКНИЖИЮ.

Ситуация подполья.

- «...И наш свет, и наше подполье.. Он сделал сложными нашу душу, нашу веру, наше искусство...» (Вяч. Иванов о Достоевском).
- Что означает «подполье»?
- Это исходная ситуация трагических мыслителей во всех больших романах.

Композиция.

- 1 часть. «Подполье» - диалектика размышлений и рассуждений «подпольного».
- 2 часть. «По поводу мокрого снега» - история-ретроспекция о том, как испытывается герой «живой жизнью», отношениями с окружающими людьми.

Монологи «подпольного».

- О преимуществах развитого сознания. Противопоставление деятеля и рефлектера, созерцателя. Poleмика с Тургеневым. В чем ее суть?
- «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом. ни честным, ни героем, ни насекомым. Теперь же доживаю в своем углу, дразня себя злобным и ни к чему не служащим утешением, что **умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться**, а делается чем-нибудь только дурак. Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, **деятель, - существом по преимуществу ограниченным**».

Что означает «стена» в рассуждениях героя?

- «Невозможность - значит каменная стена? Какая каменная стена? Ну, разумеется, **законы природы, выводы естественных наук, математика**. Уж как докажут тебе, например, что от обезьяны произошел, так уж и нечего **морщиться**, принимай как есть. Уж как докажут тебе, что, в сущности, одна капелька твоего собственного жиру тебе должна быть дороже ста тысяч тебе подобных и что в этом результате разрешатся под конец все так называемые добродетели и обязанности и прочие бредни и предрассудки, так уж так и принимай, нечего делать-то, потому дважды два - математика. Попробуйте возразить. "Помилуйте, - закричат вам, - восставать нельзя: это дважды два четыре! Природа вас не спрашивается; ей дела нет до ваших желаний и до того, нравятся ль вам ее законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее так, как она есть, а следовательно, и все ее результаты. **Стена, значит, и есть стена...** и т. д., и т. д.". Господи боже, да какое мне дело до законов **природы** и **арифметики**, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся? Разумеется, я не пробью такой стены лбом, если и в самом деле сил не будет пробить, но я и не примирюсь с ней потому только, что у меня каменная стена и у меня сил не хватило».

Деятель – туп и ограничен, сознающий – свободен.

- «То ли дело все понимать, все сознавать, все невозможности и каменные стены; **не примиряться ни с одной из этих** невозможностей и каменных стен, если вам мерзит примиряться; дойти путем самых неизбежных логических комбинаций до самых отвратительных заключений на вечную тему о том, что даже и в каменной-то стене как будто чем-то сам виноват, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе не виноват...»

2. Критика рационалистических концепций человека и прогресса.

**Теория «расчета выгод» и
рассуждения «подпольного».**

«Все эти теории – одна логистика»

«Человека трудно рассчитать
рационально».

«Дважды два четыре не есть жизнь, а
начало смерти».

О ВЫГОДЕ

- «...с волнением и страстью будет говорить вам о настоящих, **нормальных человеческих интересах**; с насмешкой укорит близоруких глупцов, не понимающих ни своих выгод, ни настоящего значения добродетели; и - ровно через четверть часа, без всякого внезапного, постороннего повода, а именно по чему-то такому внутреннему, что сильнее всех его интересов, - выкинет совершенно другое колено, то есть явно пойдет против того, об чем сам говорил: и против законов рассудка, и против собственной выгоды, ну, одним словом, против всего... Предупрежу, что мой приятель - лицо собирательное, и потому только его одного винить как-то трудно. То-то и есть, господа, **не существует ли и в самом деле нечто такое, что почти всякому человеку дороже самых лучших его выгод, или (чтоб уж логики не нарушать) есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаемая-то, вот об которой сейчас говорили), которая главнее и выгоднее всех других выгод и для которой человек, если понадобится, готов против всех законов пойти, то есть против рассудка, чести, покоя, благоденствия, - одним словом, против всех этих прекрасных и полезных вещей, лишь бы только достигнуть этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего».**

Из монолога «ПОДПОЛЬНОГО».

- « Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливою физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб **нам опять по своей глупой воле пожить**».
- В человеке заложена потребность в свободе: «Что за охота хотеть по табличке? ...Тотчас же он обратится из человека в органичный штифтик или вроде того: потому что же такое человек без желаний, без воли и без хотений,,» «Натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, хоть врет да живет».

«Самая выгодная выгода»

- «...свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, - вот это-то все и есть та самая, пропущенная, **самая выгодная выгода**, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту. И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотения? С чего это непременно вообразили они, что человеку надо непременно благоразумно выгодного хотенья? **Человеку надо одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела. ...хотенье есть проявление всей жизни, то есть всей человеческой жизни, и с рассудком, и со всеми почесываниями. И хоть жизнь наша в этом проявлении выходит зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлечение квадратного корня».**

Сохранить личность – «выгоднее всех выгод».

- «Но повторяю вам в сотый раз, есть один только случай, только один, когда человек может нарочно, сознательно пожелать себе даже вредного, глупого, даже глупейшего, а именно: чтоб иметь право пожелать себе даже и глупейшего и не быть связанным обязанностью желать себе одного только умного. Ведь это глупейшее, ведь это свой каприз, и в самом деле, господа, может быть всего выгоднее для нашего брата из всего, что есть на земле, особенно в иных случаях. А в частности, может быть выгоднее всех выгод даже и в таком случае, если приносит нам явный вред и противоречит самым здравым заключениям нашего рассудка о выгодах, потому что во всяком случае **сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность**».

- « - Эх, господа, **какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и до арифметики**, когда будет одно только дважды два четыре в ходу?
- а ведь **дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти**. По крайней мере человек всегда как-то боялся этого дважды два четыре, а я и теперь боюсь. Положим, человек только и делает, что отыскивает эти дважды два четыре, океаны переплывает, жизнью жертвует в этом отыскивании, но отыскать, действительно найти, - ей-богу, как-то боится. Ведь он чувствует, что как найдет, так уж нечего будет тогда отыскивать. Работники, кончив работу, по крайней мере деньги получают, в кабачок пойдут, потом в часть попадут, - ну вот и занятия на неделю. А человек куда пойдет? По крайней мере каждый раз замечается в нем что-то неловкое при достижении подобных целей. Достижение он любит, а достигнуть уж и не совсем, и это, конечно, ужасно смешно. Одним словом, человек устроен комически; во всем этом, очевидно, заключается каламбур. Но дважды два четыре - все-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре - ведь это, по моему мнению, только нахальство-с. Дважды два четыре смотрит фертом, стоит поперек вашей дороги ,руки в боки и плюется. Я согласен, что дважды два четыре - превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять - премилая иногда вещица».

...» И почему вы так твердо, так торжественно уверены, что только одно нормальное и положительное, - одним словом, только одно благоденствие человеку выгодно? Не ошибается ли разум-то в выгодах? **Ведь, может быть, человек любит не одно благоденствие? Может быть, он ровно настолько же любит страдание? Может быть, страдание-то ему ровно настолько же и выгодно, как благоденствие?** А человек иногда ужасно любит страдание, до страсти, и это факт. Тут уж и со всемирной историей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человек и хоть сколько-нибудь жили. Что же касается до моего личного мнения, то любить только одно благоденствие даже как-то и неприлично. Хорошо ли, дурно ли, но разломать иногда что-нибудь тоже очень приятно. Я ведь тут собственно не за страдание стою, да и не за благоденствие. Стою я... за свой каприз и за то, чтоб он был мне гарантирован, когда понадобится. Страдание, например, в водевилях не допускается, я это знаю. В **хрустальном дворце** оно и немыслимо: **страдание есть сомнение, есть отрицание, а что за хрустальный дворец, в котором можно усомниться? А между тем я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется. Страдание - да ведь это единственная причина сознания».**

- «Я хоть и доложил вначале, что сознание, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения. **Сознание, например, бесконечно выше, чем дважды два.** После дважды двух уж, разумеется, ничего не останется, не только делать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будет, это - заткнуть свои пять чувств и погрузиться в созерцание».

- «Я не приму за венец желаний моих - капитальный дом, с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет и на всякий случай с зубным врачом Вагенгеймом на вывеске. Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь лучше, и я за вами пойду. Вы, пожалуй, скажете, что не стоит и связываться; но в таком случае ведь и я вам могу тем же ответить. Мы рассуждаем серьезно; а не хотите меня удостоить вашим вниманием, так ведь кланяться не буду. У меня есть подполье».

Личность – изначальная ценность.

- Отвергается объектный подход к человеку. Человек – существо проблематическое, загадочное, иррациональное. В нем живет потребность не только счастья и удовольствия, но и страдания.
- Просветители упрощенно трактуют природу человека. Рационализированное социальное устройство человеческих судеб со всеми утопиями о хрустальных дворцах – унизительно для человека.

Парадоксальность ситуации.

- «Подпольный» провозглашает свободу личности, ее право на «самостоятельное хотенье», но сам он – «трус и раб». Свобода и своеволие.
- Испытание «живой жизнью».
«Подпольный» и Лиза. Трансформация сюжета любви-пропаганды. Момент истины: «Я не могу...Мне не дают быть добрым...»

Достоевский о причинах «подполья».

- «Я горжусь тем, что впервые вывел настоящего человека русского большинства и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону...
Причина подполья кроется в уничтожении веры в общие правила.
«Нет ничего святого».